

«ЛУЧШИЙ ПЕВЕЦ ДЛЯ РУССКОЙ ОПЕРЫ»

Татьяна ЕРОХИНА

На старом портрете сквозь потемневший лак видим полноватое лицо (современники отмечали – был грузен), взгляд устремлён в воображаемые небеса, облик артистичен (это важно). В музейной книге поступлений пометка – «Неизвестный художник. Портрет неизвестного (Бантышева?). XIX в.». Сравнить почти не с чем, из прижизненных изображений найдено лишь одно – певец в любимой роли Торопки Голована в «Аскольдовой могиле» Алексея Верстовского. Качество изображения оставляет желать лучшего, тем усиливая сходство с музейным неизвестным. В многочисленных энциклопедических музыкальных изданиях среди портретов современников нет Бантышева – а ведь двадцать пять лет на сцене Большого! И какие эпитеты! «Русский соловей», «Московский соловей», «Русский Рубини»... Даже издание «Ведомости Московской городской полиции» в 1853 году отметило: «Лучший певец для русской оперы, для русской песни... Единственный актёр, который так умел по-русски носить русский кафтан и пропеть русскую песню. Главным торжеством Бантышева была русская песня; он пел её, как, может быть, не удаётся её спеть никому другому».

Перечень исполненных партий занимает страницу текста. Произведения Верстовского, Глинки, Беллини, Доницетти, Моцарта, Россини. Услышать бы сейчас забытые оперы «Сара, шотландская сирота», «Девкалионов потоп, или Меркурий-предъявитель», «Цампа, морской разбойник, или Мраморная невеста», партию Витязя Весны в опере «Сон наяву, или Чурова долина» А. Верстовского. А каково название –

А. Бантышев в роли Торопки в опере А. Верстовского «Аскольдова могила».

«Мельница в горах, или союзные войска во Франции 1814 года!» Пел даже партию первого лешего в опере «Иван-царевич» на музыку Ванжуры, а текст-то – Екатерины II. Более 60 разнохарактерных образов. Кто они? Как это звучит? Смешные или грустные герои тех старых опер? Тем более, что в одном спектакле в то время артист мог исполнять сразу две роли – и комическую, и трагическую. Выступал также в водевилях и драматических спектаклях, был партнером П. Мочалова, М. Щепкина, В. Живокини.

И всё это – Александр Олимпиевич

Бантышев Александр Олимпиевич – московский оперный певец; род. 1804 г. в угличском уезде, ум. 1860 г.; пел первоначально в частном хоре Варгина, затем через композитора Верстовского поступил на московскую сцену, где впервые выступил в «Аскольдовой могиле», в роли Торопки. Был на московской сцене 25 лет.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. III. – СПб., 1891.

Бантышев. Наш! Угличанин!

Родился в 1804 году. Чем же знаменит этот год в музыке? Попробуем найти. Оказывается, опубликована вторая симфония Бетховена, родились Михаил Глинка и Иоганн Штраус (отец), ещё несколько имён немецких, австрийских, французских композиторов и музыкантов даёт нам всезнающая всемирная паутина.

А в Угличе в семье коллежского регистратора, в небольшой усадьбе между селом Чурьяково и Угличем родился мальчик. Рос, любил петь, аккомпанировал себе на гитаре, ис-

*Татьяна ЕРОХИНА
родилась в 1950 году в селе Ильинском Угличского района. После окончания средней школы № 2 поступила в Ленинградский институт текстильной лёгкой промышленности. С 1981 года работает научным сотрудником Угличского государственного историко-архитектурного и художественного музея.
Автор статей в «Угличской газете», в научных сборниках музея, а также автор и составитель книг «Чтобы помнили» и «Угличский именник».*

Неизвестный художник. Портрет неизвестного (Бантышева?). XIX в.

Церковь Николая Явленного на Арбате.

полняя русские песни и романсы. Семья была большая, есть сведения, что деревня Харитоново по Ярославской дороге также принадлежала Бантышевым, возможно, и местечко с милым названием Ландышево тоже связано с этой фамилией. Но главным источником доходов являлся дом в Москве, который сдавался внаём. Осенью 1812 года дом сгорел, а когда заболел и вынужден был выйти в отставку Олимпий Бантышев, семья обеднела. В ноябре 1815 года Бантышев обратился к императрице Марии Фёдоровне с прошением зачислить старшую из пятерых его детей Екатерину на казённый счёт в одно из училищ в Петербурге. Но ему в этом было

«всемиловнейше» отказано. Затем пришла очередь Александра, и в сопровождении сестры он был отправлен в Москву «для обучения письменному делу».

В Москве служил в Опекунском совете писцом, но не петь не мог. И в частном хоре знаменитого московского купца Василия Варгина (именно он за бесценок продал Москве здание Малого театра, стоящее до сих пор) в церкви Николая Явленного на Арбате зазвучал чистый голос юного Александра. Такой голос был услышан! Бантышева заметили композиторы Алябьев и Верстовский. Современный искусствовед Б. Грановский так пишет об этом: «Встреча с Верстовским сыграла для Бантышева решающую роль. Композитор угадал в застенчивом молодом канцеляристе будущего профессионального певца. Но вряд ли мог он предположить, что именно Бантышев будет в совершенстве во-

площадь на сцене его творческие замыслы, что станет угличанин одним из корифеев русской вокальной школы и что в дальнейшем музыковеды будут писать об «эпохе Бантышева» в русском вокальном искусстве».

Начались занятия. Музыкального образования певец не получил, но уроки у главного «учителя-воспитателя» Алексея Николаевича Верстовского, а затем у П. Булахова и А. Варламова помогли, придали голосу нежного «серебристо-бархатного» тембра и широкого диапазона (две с половиной октавы до верхнего «ми»), особое звучание и выразительность. Природный талант был удивителен – уникальная музыкальная память. Все свои роли Александр Олимпиевич исполнял по памяти. Пройдя один раз на слух, не по нотам, оперную партию, он запомнил это большое и сложное произведение. Бантышев был приглашён петь в Большом театре.

Большой театр.
Рисунок архитектора
Осипа Бове.
1825 г.

Александр Александрович
Алябьев – композитор,
пианист, дирижёр.

Алексей Николаевич
Верстовский –
композитор,
театральный деятель.

Любовь Павловна
Косицкая – актриса
Малого театра.

Василий
Васильевич
Варгин –
коммерсант,
меценат.

Кроме замечательных музыкальных способностей, Александр Олимпиевич обладал большим даром перевоплощения, как отмечали современники – «бойким темпераментом». Был грузен, но, когда выходил на сцену, порхал по ней с необыкновенной легкостью. Исполняя сразу две роли в спектакле, заставлял зрителей плакать над судьбой трагического героя, а слёзы, уже от смеха, вызывал своей игрой в роли комического персонажа. Б. Грановский пишет: «Откуда только брались удаль, размахистость и широта доброго русского молодца, бьющее через край веселье. Годы, проведённые в Угличе, и связанные с ними юношеские впечатления,

наполненная яркими художественными событиями жизнь Москвы, колоритный быт питали чуткую артистическую натуру Бантышева».

В сентябре 1835 года в Москве была впервые поставлена опера Верстовского «Аскольдова могила», которая вся была наполнена мелодиями русских песен и танцев. Почти двадцать лет любимцем публики в роли находчивого, ловкого балагура и весельчака Торопки Голована был Бантышев – «полный, румяный брюнет с неподражаемым юмором».

Александр Олимпиевич был одним из первых исполнителей гимна «Боже, Царя храни» князя Львова. Известна оценка на первом прослушивании гимна директора Московских императорских театров М.П. Загоскина:

«Сначала слова были пропеты одним актёром Бантышевым, потом повторены всем хором. Не могу вам описать впечатление, которое произвела на зрителей эта национальная песня, и мужчины, и дамы слушали её стоя, сначала «Ура», а потом «Форо» загремели в театре, когда её пропели. Разумеется, она была повторена».

Восторженный отзыв был напечатан в московской газете «Молва»:

«Вчера, 11 декабря (1833 г.) Большой Петровский театр был свидетелем великолепного и трогательного зрелища, торжества благоговейной любви народа русского к царю русскому... При первом ударе невольное влечение заставило всех зрителей подняться с мест. Глубочайшее безмолвие царствовало всюду, пока Бантышев своим звонким, чистым

голосом пел начальное слово. Но когда вслед затем грянул гром полкового оркестра, когда в то же мгновение слилась с ним вся дивная масса поющих голосов, единогласное «Ура», вырвавшееся в одно мгновение из всех уст, потрясло высокие своды огромного здания. Гром рукоплесканий заспорил с громом оркестра... Всё требовало повторения... Казалось, одна душа трепетала в волнующейся громаде зрителей, то был клич Москвы! Клич России!!!...»

Как, должно быть, вдохновенно звучал «Реквием» Моцарта в исполнении Александра Олимпиевича. Хочется почувствовать торжественное звучание канонического латинского текста.

Часть Sanctus для исполнения соло: **Sanctus, Sanctus, Sanctus,**

Свят, Свят, Свят,

Dominus Deus Sabaoth!

Господь Бог Саваоф!

Pleni sunt caeli et terra Gloria tua,

Полны небеса и земля славой Твоей.

Hosanna in excelsis.

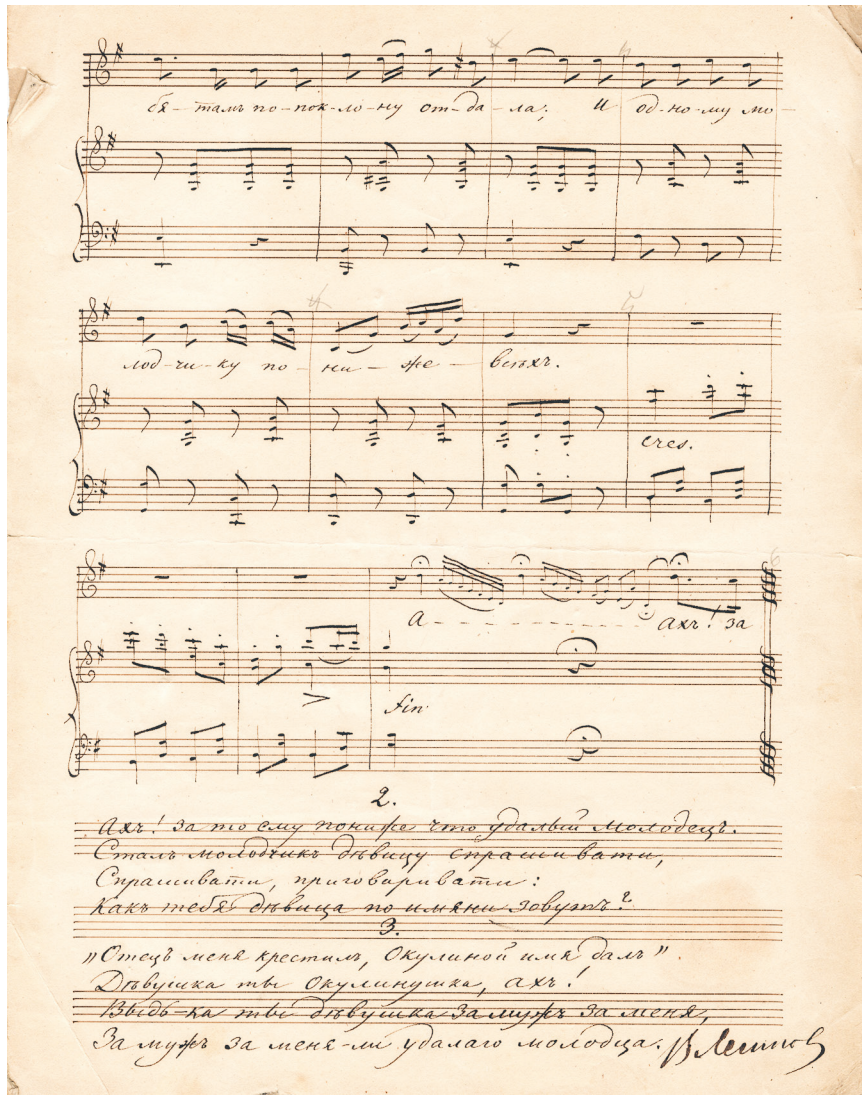
Осанна в вышних.

Очень редко сейчас можно услышать романс Александра Алябьева «Соловей». В своё время Бантышев считался лучшим его исполнителем. Он и сам сочинял песни и романсы: «Что ты, травушка, пожелтела», «Ты не плачь, красавица», «Замолчишь ли ты, сердце бедное». С грустью звучат их названия и, пожалуй, говорят о добром сердце их автора.

Действительно, современники отмечали его как человека характера крепкого, уживчивого в высшей степени. Вмешиваться в театральные интриги и сплетни Бантышев не любил, дороги никому не только не старался переступить, но, напротив, давал дорогу тем, в которых замечал теплившуюся искру Божию. Александр Олимпиевич первым заметил Любовь Косицкую и рекомендовал её Верстовскому, они вместе пели в «Аскольдовой могиле». Похожая история произошла с будущим артистом Мариинского и Большого театров, басом Платоном Радонежским. Будучи на гастролях в Ярославле в 1849 году, Бантышев услышал его голос и взял с собой в Москву.

Певец гастролировал по городам России, имел фантастический успех – «одно появление его на сцене приводило в восторг театральную залу».

В марте 1853 года сгорело здание Большого театра. От этого потрясения здоровье Бантышева ухудшилось. Но, как только певец поправился, он принял решение отправиться в провинцию в качестве оперного режиссёра. В 1853 – 57 годах вёл режиссёрскую деятельность в Яросла-

ле, Рыбинске, Нижнем Новгороде, Твери, Казани. В 1858 – 60 годах был оперным антрепренером в Саратове, давал бесплатные уроки пения.

Почувствовав, что дни его сочтены, успел вернуться в Москву, где и умер 26 ноября 1860 года.

Александр Олимпиевич был женат, детей не оставил. Но в Угличе фамилия Бантышевых продолжает звучать, и в главном городском Спасо-Преображенском соборе бухгалтер Ольга Алексеевна – одна из Бантышевых, – выйдя замуж, оставила родовую фамилию, в воспоминание с гордостью о предке.

Ещё раз обратимся к статье Б. Грановского: «Какой бывает щедрой природа! Красоту, доброту, обаяние, скромность, честность, трудолюбие и голос – чудо-голос певца, за который назовут его «русским соловьём», – всё это дала она одному человеку – Александру Олимпиевичу Бантышеву».

Углич – незаурядная история этого древнего уголка русской земли, прекрасное природное окружение и выдающиеся творения зодчества

Красная гостиная угличского кремля.

на волжских берегах стали корнями и для музыкальных традиций.

Три столетия русской музыкальной сцены – три угличских имени. На вершине исполнительского искусства XVIII века – удивительный талант Прасковьи Ивановны

№ 550/1850.

Не выдается

Перинитъ похотелъ

Мая, 1850, Июль 25.

Руская Мелодия

«Ах, шли наши ребята»

Ученъ В. Лещинъ

Музыка

А. Бантышева.

Музыка сочинена:
«Ах, шли наши ребята»
заключена в м. т. в.
(особенно хороша композиция.)

Ученъ

По поручению г-на Бантышева отдалъ издателямъ
автору въ печать. Москва 1850 года Мая 12

А. Дробовъ

А. Г. М

Будетъ издана въ С. Петербургѣ

Ковалёвой-Жемчуговой – графини Шереметевой, «Московский соловей» Александр Олимпиевич Бантышев блистает на театральной сцене XIX века, «голос русский, голос дивный» Евгении Васильевны Алтуховой зазвучал в XX веке и продолжа-

ет восхищать нас в двадцать первом. В Красном зале угличского кремля сейчас лишь два портрета знаменитых земляков. «Из тени – в свет», из музейных фондов ждём появления ещё одного – портрета Александра Олимпиевича Бантышева. •

Листы из нотной тетради А. Бантышева.

Титульный лист нот для песни сочинения А. Бантышева «Ах, шли наши ребята». Материалы из архива Большого театра.